

Встречи
с интересными
людьми

В гостях у «МЫСЛИКА» Мазая

В СИЛУ возраста и жизненного опыта Михаила Дмитриевича в поселке клочит просто – Дед. И сам он любит подписывать свои публицистические заметки как Дед Мазай. Почему так? О Мазаях как роде людей М. Д. Пузырев в свое время написал так: «Они постоянно копаются в прошлом, с тревогой заглядывают в будущее и собеседников ищут среди поэтов и мыслителей, себе подобных. Они, как правило, ничего не понимают в деньгах. Одним словом – мыслики, но при этом добрые и открытые».

А ты подумай, на кого я похож? – подначивал меня Дед у себя дома. – А я тебе скажу: на Льва Николаевича. А ведь верно! Те же борода (не борода, а именно окладистая седая борода) и светлый ум. Михаил Дмитриевич – автор ряда книг, написанных уже в преклонном возрасте. Во множестве рождает газетные заметки. На страницах одной из книг («Мысли в смутное время») честно признался, что есть у него грешок графомана, который, впрочем, искупает тем, что уничтожает свои неудачные труды по методу Гогиля.

Одержимость у нашего героя тоже сродни толстовской. – Вскликаю от злости и начинаю писать, – рассказывает Дед. – Вижу плохо в последнее время,

строчка на строчку налезает... О чем пишет Михаил Дмитриевич? Сказать коротко – о современной неустроенной жизни. Точнее, о месте в ней русского человека – униженного и оскорбленного. Дед, в свое время сильно пострадавший от власти, поддержавший поначалу реформы 90-х годов, ныне с присущей категоричностью говорит:

– В советской власти было больше хорошего. А сейчас Россия погибает.

Парадокс, но он почти простил Сталина. Михаил Дмитриевич по складу мыслей – государственный. Родом он из деревни Роженец Вилегодского района, из семьи кулака (на самом деле справного хозяина). Образование – 4 класса. Выдавал его правильный не по-северному русский говор, появившийся из-за книжной грамотности. Даже гости спрашивали у мамы:

– Чай, сынок-то не вай? – Мой. – отвечала мама. Умерла она в трудные 30-е годы. Помотала Михаила Дмитриевича жизнь – судьбинushка по свету. В 1995 году умерла жена. С тех пор один – родня живет в Нижнем Новгороде. Уже шесть правнуков. Каждое лето Дед ездит, навещает, деньжатами помогает.

– Пять тысяч рублей – для меня много, – на полном серьезе дивится он на свою пенсию. – Никогда столько не получал!

(Михаил Дмитриевич получает компенсацию как незаконно репрессированный. – Авт.)

– Я бережливый, скупой по натуре. Перчатки вот 30 лет ношу. И на что мне на старости такие деньги? В квартире Деда – все справно. Чистота, уют. Он домовитый хозяин. Готовит себе супец, иногда холодец.

Михаил Пузырев: «Такие разные правители – Александр III (для Пузырева – настоящий русский царь) и Борис Ельцин»

– Я все делаю на совесть, – гордится он.

В квартире Деда гостей было изрядно. Приезжали и телевизионщики из Москвы, снимавшие фильм о репрессированных. Сам Дед телевизор проклинал, считая его рассадником духовной заразы. Из передач смотрит только вечерние «Вести». Еще слушает «Маяк». И читает любимую газету «Гудок». А еще его страсть – книги. Сейчас вот погружился в «еврейский вопрос», изучая с лупой в руках многотомный труд А. И. Солженицына «300 лет вместе». Тема «богоизбранного народа» очень волнует Деда. Он говорит:

– Я противник сионизма как идеологии. Но я никогда не был и не буду антисемитом. У меня очень много близких, уважаемых и любимых мною людей еврейской национальности.

Мыслит Михаил Дмитриевич прочитать и историка Льва Гумилева.

– Да вот не знаю, где его труды взять, – озабочен.

Но вернемся к Солженицыну. На Деде свитер с забавными фигурками бейсболистов – подарок Александра Исаевича. Однажды в телевизионном сюжете Дед увидел такие же свитеры на репрессированных, с которыми встречался Солженицын.

– Не мне одному такой подарок сделал. Видимо, решил подшутить Александр Исаевич над нами, – смеется Дед.

На стене вместе с семью принципами Ганди висит у него репродукция картины Ильи Глазунова «Тысячелетие России».

– Легко называю всех тех, кто на ней изображен, – рассказывает Михаил Дмитриевич. – А ты попробуй! Только не изображен

здесь Николай Второй. Я поначалу думал: почему? Сын изображен, а отца нет. И понял. Николай Второй – царь-отступник, отрекшийся от божественной власти.

... Вспоминает Дед свою долгую жизнь. Подчас всплывают забавные истории. А как без них? В жизни и страдание, и радость вместе идут. Так вот, любимый напиток Деда – чай с коньяком. А почему? Дело было на юге в далеких 50-х. Зашли они с женой в чайную. Заказали чаек. А официант перепутал – принес Михаилу Дмитриевичу коньяк. Он хлебнул, не растерялся и... для маскировки смешал его с чаем. Новый вкус весьма понравился. Частенько еще заходил Михаил Дмитриевич в чайную. Но уже без жены. Выпивал и водочку, но всегда знал меру.

Дед Мазай от современной жизни не отстаёт. Есть у него и «мобиля» – подарили. Вот только забросил он телефончик подальше от греха – однажды в запальчивости на 500 рублей наговорил. На диктофоне записал мысли на кассеты, коих целая стопка. Грустит: – Уйду. Кому достанется?

А еще обмолвился как-то Михаил Дмитриевич:

– Вот умру, вспомните обо мне, как о Сахарове. Сошлись мы на том, что до юбилея надо жить. Да и после...

А ведь Дед прав! Часто отмахиваются в коридорах власти от него, как от назойливой мухи. А он, как пушкинский пророк, «глаголом жжет сердца людей». Старики – это память народа. Надо чаще слушать их про прежнюю жизнь, чтобы понять настоящую.

Олег ДЕСЯТКИН.
Фото автора.